

Признаюсь: поначалу, читая его стихи, даже ставшие классикой «Журавли», пребывал в некотором сомнении: где тут он, где не менее талантливые переводчики? Сомнения развеяла его поэзия в прозе — «Мой Дагестан». И уж окончательно — личное знакомство. Это был удивительный, мудрый, добрый человек. Добрый человек из Дагестана. Вот всего несколько страниц из памяти

Страница 1-я

Познакомились мы на вечере друзей «Комсомолки» в Домжуре. Когда Расул появился в зале, ведущий Борис Панкин пригласил его в президиум и сразу же предоставил слово. Гамзатов сказал, что он очень любит «Комсомолку» и ее редактора. Но вот любимый им Борис все никак не решается напечатать его последние стихи. «Я вам сейчас их прочту». И прочел стихотворение, в котором государственные символы страны — герб, гимн и флаг — предлагалось заменить на символы любви (если память не изменяет, сразу после встречи «Комсомолка» стихи эти напечатала). А закончил так: «Сейчас меня в здешнем ресторане ожидают две прекрасные женщины. Если все сидящие здесь мужчины — джигиты, вы поймете, что я не могу оставить их одних, и разрешите мне вас покинуть». Зал одобрительно загудел. Расул сошел со сцены и вышел из зала.

Когда торжественная часть окончилась, в этом самом ресторане мы оказались за одним столом с Расулом. Он поднимал тосты за всех женщин нашего стола подряд. Предпоследний — за Майю Кристалинскую. Последний — за Таню Агафонову, окончив его неожиданно: «Таня! Ты замечательная женщина. После со мной прямо сейчас на дачу?». Таня отшутилась: «Расул, никуда я с тобой не поеду. У тебя прекрасная жена. Мы все знаем, как ты ее любишь». Он сделал обиженную гримасу: «Ну смотри, Таня, Расулы Гамзатовы на мостовой не валяются».

Позже мне выпал случай убедиться, что это была всего лишь игра, даже скорее не лишней лукавства розыгрыш; что Расул был великолепен в своем природном джентльменстве, а Таня была права.

Страница 2-я

В 1988 году мне довелось быть участником экологической экспедиции, двигавшейся против течения Дуная на теплоходе «Русе» от одноименного болгарского города до немецкого Пассау в приальпийских верховьях реки. Авторитетное тогда международное движение «Экофорум — за мир» провело серию экспедиций: «Эко-Дунай-88», «Эко-Балтика-90», «Эко-Черное море-90», «Эко-Средиземное море-91» на речных и морских, большей частью научных, судах.

В советской делегации «Эко-Дунай-88» было немало знаменитостей. Академики Борис Ласкорин, Николай Ениколопов, композитор Ян Френкель. И — Расул Гамзатов. Впрочем, Расул должен был присоединиться к экспедиции в Будапеште. А пока с нами была его жена Патимат. К Будапешту, куда по расписанию мы прибывали во второй половине дня, теплоход полз медленно-медленно, как черепаха.

Настроение у всех было тревожное. Поступила информация, что на пристани нас ждет мощная антиправительственная демонстрация «зеленых», протестующая против плотин на Дунае. Будет требо-

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ДАГЕСТАНА

Памяти Расула Гамзатова

вать присоединения к их резолюции. Участники экспедиции тоже против плотин на Дунае. Но вмешательство во внутренние венгерские дела исключалось начисто. Вот и плелось судно еле-еле, чтобы избежать нежелательной встречи.

В этом отношении перестарались. Уже стемнело. Уже стрелки приближались к двенадцати, а теплоход все полз и полз. Патимат застыла у борта в позе ждущей Сольвейг и так простояла много часов. Вокруг нее в качестве, как теперь говорят, «группы поддержки» собралась чуть ли не вся советская часть экспедиции. Успокаивали, уговаривали пойти спать. Ведь ясно: сопровождающие давно увезли Расула на ночевку в посольство, а утром привезут на пристань. Она каменно молчала и всматривалась в темноту.

И тут Николай Сергеевич Ениколопов сказал: «Шли бы все спать сами. Женщина всегда лучше нас чувствует, как ей поступать».

К пристани причалили далеко за полночь, когда рядом с

Патимат из «группы поддержки» нас осталось человека три-четыре. Давно уже видели третьи сны и «сопровождающие из посольства», и демонстранты (как потом оказалось, они митинговали совсем в другом месте и покушаться на нашу политическую невинность вообще не собирались). На пристани — ни души. Лишь одинокий фонарь высвечивал из чернильной темноты одинокую фигуру Расула.

Страница 3-я

Гамзатов стал душой и этой, дунайской, экспедиции, и следующей — уже по всей акватории Черного моря на научном судне «Академик Вернадский». Однажды, когда мы находились на берегу недалеко от Констанцы, в тех краях, где отбывал свою ссылку Овидий, я спросил Расула, как он себя чувствует в новой для него ипостаси защитника природы. И вот что он ответил:

— Вначале я чувствовал себя на этом научно-исследовательском Ноевом ковчеге

архитектурным излишеством. Но потом смирился. И не протестовал, когда по судовому радио передали: «Научному сотруднику Гамзатову зайти в кают-компанию для заполнения таможенной декларации». Но мне хочется заполнить и другую декларацию. Поэтическую.

С античных времен поэты переводили мелодии деревьев, волн, звезд на человеческий язык. А мы переводим природу на цемент, нефть, черную металлургию. С ног на голову перевернули понятия добра и зла. Молотов высказался о романе «Русский лес»: мол, Леонов намекает, что не лес рубят, а русский народ. Молотов ругал писателя. Но на самом деле это похвала его бесстрашию.

Мы много глупых лозунгов сделали бляху. Ворошилов после маневров провозгласил тост за «покорение природы». Сказал, что мы подчинили небо и звезды — там летят наши самолеты; мы землю подчинили — там идут наши танки; мы море подчинили себе — там плывут наши корабли.

А природа с ним не соглашалась. Без свободы она погибает. И моря высыхают, как

глаза Гомера. Пришел час ставить памятники погибшим морям и родникам. Только скоро некому их будет ставить.

Перед морем Овидий, Данте, Пушкин молчали. А мы много говорим. И на митингах, и на научных конференциях. Давайте что-нибудь делать. Давайте начнем с малого. Со спасения родников. Они гибнут. В тишине. В неизвестности. Без всенародных похорон, как было с Аралом. Для меня это очень личная боль. Когда умирал мой отец, он попросил принести воды из родника в его ауле — сказал, что тогда выздоровеет. Родника не нашли. Он высох. Так умер мой отец. Люди, молно: спасайте родники! Тогда спасете и моря.

Страница 4-я

Последним портом перед родиной был в той экспедиции Стамбул. И когда после официальных приемов и экскурсионных посещений исторических достопримечательностей всех затянули в себя рыночные простран-

ства, что за Галатским мостом, где разбитные торговцы зазывают на ломаном русском: «Коллега! Вот лучшие кожи!», там мне довелось увидеть такую сцену.

Под какой-то переливающейся всеми цветами радуги витриной с драгоценностями, как бы в рамке ее, на низком складном стульчике сидел «коллега» Расул и мирно о чем-то беседовал с окружившими его земляками, которых судьба забросила на чужбину. Мой спутник заметил: «Расул ведет депутатский прием». Было очень похоже.

*В безумном вареве
Стамбула,
Где улицы — сплошной
базар,
Светились мудрому Расулу
Лукаво-цепкие глаза.*

*Среди жаровенного дыма,
Среди сверкающих
витрин
Он восседал невозмутимо,
Как Бог, мулла или раввин.*

*Он вел неспешную беседу,
Он ведал истину саму.
И по неведомому следу
Шли соплеменники к нему.*

*И золотились минареты,
И пузырились купола.
И все менялось в мире
этом,
Но мудрость мудростью
была.*

● Ким СМЕРНОВ

Rasul Gamzatov

6.11.2003